

ВДОВЫ ОДНОГО ДРАКОНА

18+

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

Павел Лимонов

Вдовы одного дракона

«Автор»

2026

Лимонов П.

Вдовы одного дракона / П. Лимонов — «Автор», 2026

На похороны моего мужа пришли еще две его жены. У каждой было брачное свидетельство, кольцо с его чешуей и достаточно счастливых воспоминаний, чтобы мне захотелось немедленно выставить обеих за дверь. Четырнадцать лет я ждала Северина из торговых поездок. Оказалось, в других городах его тоже ждали к ужину. Теперь мы живем под одной крышей и разбираем оставленные им бумаги. Одна лишилась денег на мастерскую, другая — наследства. Мне грозит продажа отцовского дома. Самое унижительное — узнавать в чужих письмах слова, которые я помнила наизусть. А потом младшая из нас получает новое письмо от покойного. Северин жив. Пока мы считаем убытки, он готовится жениться в четвертый раз. Помочь найти его может Лукас Арен, бывший компаньон мужа. Четыре года назад я поверила обвинениям Северина и отказалась его выслушать. Теперь мне предстоит попросить о помощи человека, перед которым до сих пор стыдно.

Содержание

Пролог. Еще одна вдова	5
Глава 1. Кто из нас жена	8
Глава 2. Кольца из одной чешуи	17
Глава 3. Письмо после похорон	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Павел Лимонов

Вдовы одного дракона

Пролог. Еще одна вдова

Северин не любил белые лилии, и я попросила унести их из зала.

Распорядитель погребального дома поднял вазу. Только тогда я поняла, что запах цветов моему мужу уже не помешает. Хотела остановить человека, но он успел отойти.

На возвышении у дальней стены расстелили темный плащ Северина. На нем стояла серебряная обрядовая чаша со сломанным наручем. Рядом стоял узкий ларец, в котором после прощания должны были захоронить обе вещи. За восемь дней поисков больше ничего не нашли.

Я узнала наруч по латунной заклепке у застежки. Весной Северин собирался отдать его шорнику, но все откладывал, и в конце концов я сама поменяла истершийся ремешок. Кожа была жесткая, я исколола пальцы. Он тогда взял мою руку, поцеловал подушечку большого пальца и сказал, что без меня давно пропал бы.

Теперь ремешок свисал из чаши. Он остался цел.

— Вам лучше сесть, госпожа, — тихо сказала Тильда.

Я позволила ей расстегнуть мой плащ, но перчатки оставила. Без них руки казались слишком голыми. Я и так с утра трижды проверяла, на месте ли кольцо.

Оно было на месте. Узкий золотой ободок, темная бронзовая вставка — частица драконьей чешуи. Северин подарил ее мне перед венчанием, четырнадцать лет назад.

Тильда забрала плащ. Я села, разгладила юбку. Черное платье было тесноватым под грудью, и мне пришлось расстегнуть верхнюю пуговицу, прежде чем я смогла дышать ровно.

Северин восемь дней оставался для меня человеком, который задержался в дороге. Я просыпалась от звука повозки на Медной улице и прислушивалась, не повернули ли к нашим воротам.

Управляющий мужа, Бастиан Кресс, говорил, что штормовой ветер отбросил дракона к скалам. Он видел падение и спустился к берегу, едва позволила погода. Я несколько раз повторила рассказ, надеясь услышать что-нибудь, что позволило бы продолжать поиски.

Я видела, как Северин поднимался над нашим двором в такой ветер, что Тильде приходилось ловить белье у ограды. Я помнила, как легко он уходил вверх, и никак не могла представить его под водой.

Световые камни в нишах ярко освещали зал. Мне казалось, всем видно, как я сжимаю губы. Я сняла правую перчатку и спрятала ее в левую ладонь.

Ко мне подошел Кресс.

— Почти все собрались, госпожа Ровель. Если позволите, я скажу распорядителю, что можно начинать.

Я посмотрела на плащ. Ворот был загнут внутрь. Северин никогда не оставлял его так: говорил, что потом сукно неприятно трется о шею.

— Подождите минуту.

Кресс отвел глаза и отступил. Я поднялась, чтобы расправить ворот, и услышала за спиной женский голос:

— Простите, мне сказали, здесь прощаются с Северином Ровелем. Я приехала из Орсы. Где я могу оставить вещи?

У входа стояла незнакомая женщина в темном дорожном платье. На подоле засохла грязь, перчатки она держала вместе с кожаной папкой. Несколько прядей выбились из прически и прилипли к вискам.

Распорядитель указал ей на боковую дверь, но женщина уже смотрела на возвышение. Она прижала папку к груди и сделала несколько шагов вперед.

— Это его наруч?

Я остановилась у чаши.

— Да. Вы знали моего мужа?

Она перевела взгляд на меня и несколько мгновений смотрела, не отвечая.

— Что вы сказали?

Я повторила вопрос. Женщина оглянулась на распорядителя.

— Мне нужно поговорить с тем, кто устраивал прощание. Я жена Северина Ровеля. Почему место супруги занято?

Тильда приблизилась ко мне. Я почувствовала ее руку у своего локтя, но тут же высвободилась. Незнакомка могла ошибиться. В Вельдене было несколько погребальных домов, а Северин не единственный мужчина с таким именем.

— Меня зовут Агата Ровель. Я устраивала прощание со своим мужем. Возможно, вам неверно объяснили дорогу.

— Северин Ровель, торговец огнекамнями, — сказала женщина. — Дракон с бронзовой чешуей. Я получила гильдейское извещение о его гибели у Морского Перевала.

Я посмотрела на Кресса. Он стоял совсем близко и медленно складывал руки перед собой.

— Госпожа Ворн, — начал он, — вы с дороги. Позвольте сначала проводить вас в отдельную комнату.

— Так вы ее знаете? — спросила я.

— У госпожи Ворн были дела с вашим супругом. Сейчас неподходящее время для объяснений, Агата. Здесь люди, и нам следует...

— Мое имя Инесса, — перебила женщина. — А брак с вашим хозяином вы тоже считаете делом, господин Кресс?

Больше я не могла убедить себя, что она перепутала адрес.

Рядом с нами перестали разговаривать. Мне захотелось сесть, но кресло оказалось за спиной Инессы, и просить ее подвинуться я не стала.

Она раскрыла папку и достала плотный лист с восковой печатью.

— Свидетельство из брачной книги Орсы. Я взяла его, чтобы получить вещи мужа и узнать о погребении. Можете посмотреть.

Я взялась за край листа. В верхней строке стояло имя Северина, ниже — имя женщины передо мной. Печать напоминала оттиски на бумагах, которые муж привозил из Орсы. Я попыталась прочесть дату, но не смогла сосредоточиться.

Из папки высунулся другой лист, сложенный вчетверо. На внешней стороне было написано: «Для моей Инессы».

Я узнала почерк раньше, чем успела прочитать имя. Северин сильно нажимал на перо и почти соединял соседние слова. Так же были подписаны записки, которые он оставлял мне на столике у кровати, если уезжал до моего пробуждения.

Инесса перехватила папку правой рукой. На безымянном пальце я увидела широкое золотое кольцо с темной вставкой. Бронза отливала красноватым у самого края.

Кольцо с чешуей можно было заказать у любого хорошего мастера. Почерк можно было подделать. Мне нужны были объяснения, и я ненавидела эту женщину за то, что она заставляла искать их здесь, перед плащом Северина, пока чужие люди делали вид, будто не слушают.

— Мы поговорим, — сказала я. — Но не посреди зала.

— Именно это я и предлагаю, — быстро согласился Кресс. — Госпожа Ворн подождет, пока закончится церемония. Я лично разберусь с ее бумагами.

Он протянул руку к свидетельству, которое мы с Инессой все еще держали за разные края. Она потянула лист к себе, и я разжала пальцы.

— Бумаги останутся у меня, — ответила она.

У входа раздались шаги. Распорядитель пропустил в зал еще одну женщину.

Она была моложе нас обеих, в простом черном платье и помятом дорожном плаще с расстегнутым воротом. В руках держала небольшую сумку.

— Я не опоздала? — спросила она. — Мне неверно объяснили дорогу, пришлось возвращаться от старых ворот.

Кресс шагнул ей навстречу. Женщина посмотрела на него с облегчением.

— Господин Кресс, мне сказали, тела не нашли. Это правда? Я хочу знать, кто его искал.

— Сначала пройдемте со мной, — сказал он. — Вам нужно присесть.

Она посмотрела мимо него, на серебряную чашу, и зажала рот рукой. Сумка осталась висеть на запястье. На пальце блеснуло золото с темной бронзовой вставкой.

Я слышала, как Тильда позвала распорядителя и попросила воды.

— Как вас зовут? — спросила я.

Женщина опустила руку. Губы у нее дрожали.

— Нелла Ровель. Я приехала из Белого Мыса. — Она с трудом сглотнула. — Я его жена.

Распорядитель подошел к возвышению и взял крышку ларца. Должно быть, Кресс успел подать ему знак. Сейчас он сложит плащ, уберет наруч, а нас разведут по комнатам и каждой объяснят, что произошло с Северином.

— Не начинайте, — сказала я.

Распорядитель замер с крышкой в руках.

Кресс наклонился ко мне:

— Агата, вы понимаете, как это выглядит? Прошу вас, доверьтесь мне. Мы все выясним после прощания.

Я посмотрела на Инессу. Она держала папку так крепко, что согнулся угол. Нелла стояла у края помоста, не снимая мокрого плаща.

— Поставьте крышку, пожалуйста, — попросила я распорядителя. — И найдите комнату, где мы сможем поговорить.

Кресс коснулся моего рукава, но я отодвинулась, освобождая проход двум женщинам.

— Сначала я выслушаю их.

Глава 1. Кто из нас жена

Комната нашлась в конце короткого коридора. Здесь принимали родственников перед прощанием: у стены стояли мягкие кресла, на столе лежала книга заказов, а под окном грелся на огнекамне медный кувшин. Распорядитель поспешно убрал книгу в ящик и предложил нам сесть.

Инесса выбрала стул, с которого были видны и дверь, и я. Папку положила на колени. Нелла осталась стоять, пока Тильда не придвинула ей кресло. Молодая женщина послушно опустилась в него, но сумку с рук не сняла.

Кресс вошел последним. Я попросила распорядителя предупредить гостей: тем, кто не мог ждать, разрешалось проститься сейчас, но вещи пока запечатывать не следовало. Когда он вышел, Тильда налила воды в три стакана и осталась у моего стула. Я была ей благодарна.

Я стянула левую перчатку, сложила обе возле стакана и протянула руку Инессе.

— Теперь я хотела бы прочитать ваше свидетельство. Если позволите.

Она подала лист, не выпуская его сразу.

— Бумага останется здесь, на столе. И я должна видеть ваши руки.

Я подняла на нее глаза. За всю мою жизнь мне еще никто не говорил подобного.

— Я не собираюсь ничего с ним делать.

— Надеюсь. Но утром я приехала хоронить мужа, а сейчас напротив меня сидит женщина, которая называет себя его женой. Вы бы доверились мне на моем месте?

Ответить было нечего. Я положила лист между нами и приблизила к окну.

Северин Ровель. Сорок лет на день венчания. Дракон. Вдовец.

На последнем слове я задержалась.

Потом нашла имя невесты: Инесса Ворн, тридцати восьми лет, вдова. Брак заключен в Орсе три года назад, в конце весны. Внизу указывались номер записи и имя хранителя брачной книги. Две печати, одна на самом листе, другая на скреплявшем его шнуре.

— Он сказал вам, что его жена умерла?

Инесса перестала следить за моими пальцами и посмотрела мне в лицо.

— Да. Когда мы познакомились, он уже был вдовцом.

Мне захотелось спросить, от чего именно я умерла, но я не смогла произнести это при чужих людях. Слово на бумаге выглядело обыденно. Писарь вывел его теми же чернилами, что возраст и имя, оставил небольшой промежуток и продолжил строку.

— Вы уверены, что он говорил о смерти? — спросила я. — Возможно, он имел в виду расторгнутый брак.

— Он говорил, что потерял жену. Что давно живет один. А вы с ним разводились?

— Нет.

Кресс откашлялся.

— Именно поэтому нам и следует передать бумаги человеку, который сможет определить их подлинность. Сейчас вы только причиняете друг другу боль. Я отвезу свидетельство в контору, приглашу поверенного...

— Зачем в контору? — Инесса придвинула лист к себе. — Вы можете пригласить поверенного сюда. Или назвать его, и мы придем сами.

— Подобные вещи не решаются за один разговор.

— Тогда вы тем более не унесете мою единственную выпись.

Кресс посмотрел на меня, словно я должна была объяснить женщине, как вести себя с управляющим моего мужа. Обычно я помогала ему прекращать неприятные разговоры. Сейчас не знала, чьей просьбе следует уступить.

— Вы сказали, что у госпожи Ворн были дела с Северином, — напомнила я. — Откуда вы ее знаете?

— Госпожа Ворн владеет мастерской в Орсе. Мы заказывали у нее обложки для огне-камней. Я отвозил бумаги, принимал готовый товар, бывал в ее доме.

— И никогда не слышали, как она называет Северина мужем?

Он развел руками.

— Я занимался поставками, Агата. В семейные отношения господина Ровеля меня не посвящали. Не заставляйте меня сейчас строить предположения о нем.

— Вы же знали обо мне.

Кресс помолчал. Из коридора донесся скрип половиц, и все мы невольно посмотрели на дверь.

— Разумеется, знал. Поэтому я и прошу не делать поспешных выводов. Имя, почерк, даже кольцо можно использовать, чтобы ввести человека в заблуждение. Когда речь идет о состоятельной семье, такое случается.

Я хотела ухватиться за это объяснение, поручить Крессу все остальное и сохранить мужа таким, каким знала его до утра. Нелла тоже смотрела на управляющего с надеждой.

— У меня тоже есть свидетельство, — сказала она. — Я покажу. Только я не понимаю, почему вы говорите о подделке.

Она достала из сумки плоский футляр, обернутый платком. Не справившись с маленьким замком, попросила Тильду помочь.

Выпись была из брачной книги Белого Мыса. Я положила ее рядом с первой.

Нелла Ферн. Северин Ровель. Венчание состоялось в начале прошлой зимы, десять месяцев назад.

И здесь жених был вдовцом.

— Ферн — моя прежняя фамилия, — пояснила Нелла, заметив, где остановился мой взгляд. — Ученики меня по ней знают, поэтому в городе до сих пор так называют. После свадьбы я стала Ровель.

— Вы учительница?

— Преподаю музыку. У меня дома. — Она торопливо убрала пустой футляр, будто стыдилась занять им стол. — Но это к делу не относится. Я была на собственном венчании. Видела, как нас записывали. Там были люди, которых я знала с детства.

Я еще раз прочла имя Северина.

К этой поездке я сама собирала ему вещи. Он собирался вернуться до первого большого снега, потом прислал письмо: поставка задерживалась, приходилось ждать, пока освободят склад. Я велела растапливать комнату наверху, чтобы после дороги он смог сразу выкупаться и лечь.

Письмо сохранилось в ящике моего стола. Я помнила короткую приписку на полях: просил не сердиться, ведь старался ради нашего дома.

— Он пробыл с вами всю зиму? — спросила я.

Нелла покачала головой.

— Через две недели уехал. Потом возвращался. У него были дела в нескольких городах.

Она произнесла последние слова уверенно, словно это должно было что-то объяснить нам обоим.

— А в конце лета три года назад? — Я повернулась к Инессе. — Где он был тогда?

— Некоторое время в Вельдене. Писал, что разбирается с прежними обязательствами. Почему вы спрашиваете?

Мы ездили к озеру. Сняли маленький дом на берегу и почти неделю никуда не торопились. Северин сушил мне волосы возле печи после дождя, стоя за спиной, а я жаловалась, что

он путает пряди. По утрам мы заказывали горячие лепешки с сыром. Он говорил, что надо почаще выбираться вдвоем, без конторы, гостей и бесконечных чужих просьб.

Инесса тогда уже была его женой.

Я провела пальцем по краю бумаги. Ноготь зацепился за выступ восковой печати, и женщина тут же наклонилась вперед.

— Осторожнее, пожалуйста.

— Простите.

Это было первое слово за все утро, которое не пришлось подбирать.

— А ваше свидетельство где? — спросила Инесса.

— Дома. Я не ожидала, что мне понадобится доказывать свой брак на похоронах.

— Я тоже не ожидала, что придется доказывать его вам. У вас есть причина мне не верить, но она есть и у меня.

Узнав, что мы поженились четырнадцать лет назад, Нелла посмотрела на мои руки. Я не стала прятать кольцо.

— Может быть, вы давно не жили вместе, — сказала она. — Иногда ведь люди не сразу заканчивают все по закону. Он мог считать себя свободным.

— Мы жили вместе, когда он приезжал в Вельден. У него в моей спальне до сих пор лежат сменные сорочки.

Нелла отодвинулась от стола. Только после этого я поняла, зачем упомянула спальню. Мне хотелось сделать ей так же больно, как было мне.

— Я не знала о вас, — добавила я. — Ни об одной.

Инесса ничего не ответила. Нелла долго смотрела на свое свидетельство, а потом спросила почти шепотом:

— Но зачем ему было говорить, что жена умерла?

Я не нашла ответа, который смогла бы вынести сама.

Кресс приблизил к ней стакан.

— Вы проделали тяжелую дорогу. Вам всем нужен отдых. Сейчас следует закончить прощание, а завтра мы спокойно займемся проверкой. Я могу устроить вас на хорошем постоялом дворе. Госпожу Ворн тоже. В разных местах, поближе к тем конторам, куда вам придется обращаться.

— К каким именно? — спросила Инесса.

— Это зависит от ваших бумаг. Вы привезли только брачную выписку? Письма? Какие-либо обязательства господина Ровеля?

Она закрыла папку.

— Все, что потребуется, я покажу уполномоченному человеку.

— Я четырнадцать лет служил этой семье.

— А я была женой вашего хозяина три года. Мы, кажется, сегодня выяснили, что срок знакомства мало помогает.

Кресс выпрямился и посмотрел на меня. Но он так и не объяснил, что знал о двух женщинах, у которых бывал от имени Северина.

— С жильем мы решим сами, — сказала я. — Спасибо. А сейчас дайте нам несколько минут.

— Агата, я бы не советовал оставаться...

— Тильда со мной. Пожалуйста, подождите в зале.

Он задержался у двери, но спорить не стал.

Тильда проверила, плотно ли закрылась дверь. Когда шаги Кресса стихли, Инесса убрала свое свидетельство в папку, а Неллино положила перед соседкой.

— Я останусь в Вельдене до проверки, — сказала она. — Не знаю, что он здесь натворил, но уезжать с чужими объяснениями не собираюсь.

— Тогда приезжайте ко мне после прощания, — предложила я. — Дома я покажу свое свидетельство.

Нелла подняла голову.

— В его дом?

— В мой, — ответила я, прежде чем успела смягчить голос. — Дом принадлежал моему отцу. Я покажу свидетельство о браке, а дальше каждая решит, что ей делать.

— Тогда я приеду, — сказала Инесса. — Мне нужно забрать вещи из повозки.

Тильда предложила разыскать багаж женщин. Нелла назвала двор у городских ворот, потом виновато посмотрела на дверь.

— Там ведь ждут. Может быть, нам все-таки стоит проститься?

Мы оставили гостей почти на час. Я выпила несколько глотков воды, поднялась и застегнула ворот платья.

— Пойдемте.

В зале осталось меньше людей. Я заметила знакомую женщину из дома напротив, двух торговцев, старого знакомого отца. Они остановили разговор, когда мы вернулись. Мне пришлось пройти мимо них до самого возвышения.

Распорядитель посмотрел на нас по очереди и тихо спросил, можно ли продолжать. Я кивнула.

Кресс собирался встать рядом со мной, но Инесса уже заняла это место. Управляющий отошел к стене. Нелла остановилась с другой стороны, так близко, что я почувствовала сырость ее плаща.

Во время положенных слов прощания я смотрела на наруч. Меня пугало, что горе никуда не исчезло. Я могла злиться на Северина, сомневаться в каждом его письме и все равно хотеть, чтобы он вошел в зал. Чтобы объяснил. Чтобы посмотрел именно на меня и сказал что-нибудь, чему можно было верить.

Нелла потянулась к краю плаща на возвышении. Я повернула голову так резко, что она отдернула руку.

Мне хотелось сказать, что сама выбирала это сукно, что помнила его на плечах мужа, знала потертость под застежкой. Но на пальце Неллы было кольцо, и я уже прочла ее свидетельство.

Я отступила на полшага. Она коснулась ткани и беззвучно заплакала.

Инесса достала платок, помедлила и подала ей. Нелла взяла его, даже не посмотрев, чей он.

После прощания наруч завернули в плащ и уложили в ларец. Распорядитель записал, что вещи остаются на хранении в погребальном доме до подтверждения обстоятельств гибели. Назначать погребение я пока отказалась. Мне больше не хотелось торопиться только потому, что кто-то уже приготовил крышку.

Когда мы вышли на крыльцо, дождь закончился. На мокрых ступенях лежали желтые листья, прилипшие к камню. Тильда помогла мне надеть плащ, и я с трудом попала рукой в рукав.

Кресс догнал нас у повозки.

— Я заеду к вам вечером, госпожа Ровель. Нужно будет обсудить некоторые дела Северина и забрать бумаги, которые он хранил дома.

Я держалась за дверцу. За его плечом Инесса разговаривала со своим возницей, Нелла пыталась заново завязать шнурок сумки.

— Сегодня не надо. Напишите, какие бумаги вам нужны, и я их поищу.

— Проще будет, если я сам посмотрю. Вы не знаете, что именно искать.

Я действительно не знала. Северин отделял домашние дела от торговых, и прежде меня это вполне устраивало. Управляющий тоже привык, что я открываю ему кабинет, предлагаю чай и не стою над душой.

— Поэтому пришлите список, — сказала я. — На сегодня мы закончили.

Он отступил, пропуская Тильду к подножке. Я забралась в повозку без его руки.

У калитки нашего дома стояли корзины для посуды, которую должны были забрать после траурного обеда. На кухне готовили еду для гостей. Я посмотрела на окно своей спальни и вдруг поняла, что боюсь туда входить.

Тильда велела поставить вещи в передней и пошла предупредить кухарку, что большой обед отменяется. Извинения гостям она тоже взяла на себя.

Инесса задержалась у двери бывшей мастерской. На медной пластине еще сохранялось отцовское клеймо: Бренн, золотых дел мастер. Она провела взглядом по закрытым ставням и спросила:

— Вы здесь давно живете?

— С детства. Отец умер три года назад, и дом остался мне.

— Северин говорил, что его старый дом под спором. Что сюда пока лучше не приезжать. Я обернулась.

— Под каким спором?

— Подробностей он не рассказывал. Упомянул бывшего компаньона, бумаги, которые тот не отдает. Я предлагала помочь, но он говорил, что сам все закончит.

Она посмотрела на ставни и сжала губы. На этот раз мне не показалось, что упрек предназначался только мне.

Нелла задержалась у портрета Северина на лестнице.

— Здесь он гораздо строже, чем в жизни, — тихо сказала она.

Я тоже так считала. Художник утяжелил подбородок и убрал мелкие складки у глаз, но Северину нравилось. Услышать от нее знакомую мысль было неприятно. Я прошла наверх, оставив женщину у портрета.

Женщины устроились в малой гостиной, где было накрыто к чаю. Я попросила подождать и прошла в спальню.

Первое, что увидела, — домашние туфли Северина у кровати. Накануне я велела убрать их, потом сама вернула на место. В комнате еще оставались его гребень, пояс, маленькая коробка с застегками. У зеркала лежала записка портного с просьбой прийти на примерку.

Я остановилась посреди комнаты. Пальцы нащупали пуговицу плаща, но я никак не могла ее расстегнуть.

Тильда вошла без стука и помогла мне снять его.

— Вам принести чего-нибудь? Теплого молока, например. Вы с утра почти ничего не ели.

— Вы знали?

Она замерла с плащом в руках.

Мне стало страшно еще до того, как я услышала ответ. Тильда была рядом много лет. Если и она знала, что у мужа другая жизнь, значит, в этом доме не осталось человека, перед которым я не выглядела бы жалкой.

— Нет, госпожа. Если бы знала, сказала бы вам.

— Он получал письма из Орсы. Из Белого Мыса тоже.

— Получал. И отвечал на них. Но я не вскрывала его почту.

— Я тоже.

Я села на край кровати. Тильда повесила плащ на спинку стула и подошла ближе.

— Вы хотите, чтобы я проводила этих женщин на постоялый двор? Можно отправить с ними служанку, помочь с вещами.

Я представила, как они уедут, увезут свои письма и снова останутся каждая со своей историей. Кресс будет навещать их порознь. Мне он расскажет о поддельных свидетельствах, им — о спорном доме и прежних обязательствах.

Возможно, я была несправедлива к нему. Но проверять это, оставаясь в одиночестве, мне не хотелось.

— Приготовьте гостевые спальни. Обе.

— Хорошо. На одну ночь?

— Если они согласятся. Пока на одну.

Тильда коснулась моего плеча, и я опустила на ее руку свою. Она постояла со мной, ничего не говоря. Потом я встала и достала ключ от нижнего ящика комода.

Мое брачное свидетельство лежало в кожаном футляре вместе с письмами родителей и несколькими старыми расписками. Я вынула его осторожно. Шнурок от долгого хранения расплющился, печать потемнела по краям.

Агата Бренн, двадцати двух лет. Северин Ровель, двадцати девяти.

Я помнила, как писарь попросил нас подойти ближе, чтобы мы проверили имена. Северин положил руку мне на талию и первым наклонился к листу. Я тогда больше смотрела на его пальцы, чем на строчки.

В гостиной Инесса сразу выпрямилась. Я развернула свидетельство и положила перед ней.

— Вот. Смотрите сколько нужно. Тильда присутствовала на венчании. Еще жив мастер, который делал кольцо. Есть запись в городской книге.

Инесса придвинула лист. Я села напротив, заставляя себя молчать, пока она читала.

Нелла читала через ее плечо, опершись ладонью о спинку стула. Я не знала, как обратиться к ней: произносить нашу общую фамилию при всех трех было тяжело. Она заметила мое замешательство.

— Зовите меня просто Нелла, — предложила она.

Инесса посмотрела на меня поверх листа.

— Меня тоже лучше по имени. В Орсе все знают Ворн. Клеймо на керамике я после свадьбы не меняла.

Я кивнула. По крайней мере, теперь не придется всякий раз выбирать, кому из нас принадлежит фамилия Северина.

Тильда принесла еду. Мы еще ничего не решили, но на столе появились три тарелки. Я хотела отказаться, потом заметила, как Нелла следит за хлебом, и попросила оставить поднос.

Инесса достала свое свидетельство, Нелла — свое. Перед тем как начать есть, они убрали бумаги в футляры. Я последовала их примеру.

Мы поели почти молча. У меня наконец перестали дрожать руки.

— Оставайтесь сегодня здесь, — сказала я. — В доме есть две гостевые спальни. Утром попробуем найти мастера, который проверит кольца, и выясним, куда подать запросы о записях.

Инесса отложила ложку.

— Вы не боитесь пускать нас в свой дом?

— Боюсь. Но мне еще меньше нравится мысль, что я снова буду узнавать о вас только от Кресса.

— Он не зря так хотел забрать бумаги.

— Я не знаю, чего он хотел. Папки останутся при вас. Моя тоже. Никто не будет входить в чужую комнату без стука.

Нелла попросила разрешения умыться и высушить платье. Я встала, собираясь проводить ее, но Инесса остановила меня вопросом:

— К кому вы хотите пойти?

— К Эдде Керн. Она гномка, ювелир. Работала с моим отцом, умеет проводить огневую пробу.

— Вы предлагаете довериться вашей знакомой?

— Если хотите другого мастера, назовите. Я пойду вместе с вами. Эдда состоит в гильдии и сможет письменно подтвердить результат пробы.

Нелла опустила глаза на кольцо.

— А проба не повредит чешую?

— Нет. Насколько я помню, при ней сравнивают огневой рисунок. Вы узнаете подробности у мастера, прежде чем отдадите кольцо.

Мне вдруг захотелось, чтобы хотя бы Инессина вставка оказалась обыкновенным темным камнем. Тогда чужому свидетельству еще нашлось бы объяснение, которое не затрагивало мой брак.

— Я останусь, — сказала Инесса. — Но утром мне нужно отправить письмо в Орсу. В мастерской ждут моего возвращения.

— Тильда покажет, где принимают почту.

Нелла тоже согласилась. Она собиралась ночевать на постоялом дворе, но не хотела сейчас снова ехать через незнакомый город.

Я показала им комнаты в конце коридора. В одной окна выходили во двор, в другой — на тихую боковую улицу. Инесса выбрала ту, что ближе к лестнице. Тильда принесла чистое белье, теплую воду и оставила каждой по ключу.

В спальне Неллы еще было прохладно. Я заметила, что экономка приготовила маленькую керамическую грелку, но не успела наполнить ее. Взяла со стола щипцы, достала из переносного короба нагретый огнекамень и осторожно опустила внутрь.

Такую оболочку расписывали в Орсе. Я помнила, как Северин привез целый ящик и велел оставить несколько штук для дома: уверял, что лучше не найти.

Инесса задержалась в дверях.

— Такие делали у нас, — сказала она, глядя на крышку. — Старый рисунок. Теперь художница кладет меньше зеленого.

Я поставила грелку на подставку у кровати Неллы.

— Ее хватит до ночи. Потом попросите Тильду заменить камень.

— Благодарю вас, — сказала Нелла. — Я все верну как было.

Она держалась так осторожно, словно боялась повредить не только мебель, но и саму возможность оставаться здесь. Мне захотелось спросить, где жил с ней Северин, на какой кровати спал, какие вещи держал у зеркала. Я вышла, не задав ни одного вопроса.

Я написала Эдде короткую записку с просьбой принять меня и еще двух женщин для проверки брачных колец. Перечитала, вычеркнула объяснение о похоронах. Пусть сначала назовет время. Слухов в городе и без моего письма будет достаточно.

Посыльный вернулся, когда стемнело. Мастерская была открыта, но Эдды не оказалось в городе; помощница обещала передать записку, как только она вернется на следующий день. Я оставила ответ у себя на столе.

Перед сном Тильда спросила, запирать ли кабинет Северина. Я кивнула, и она подала мне связку ключей.

— Господин Кресс иногда приходит рано, — сказала она. — Если придет, велеть ему подождать?

— Пусть оставит список бумаг. Мы это уже обсудили.

Я положила ключи рядом с брачным свидетельством. До сегодняшнего дня они спокойно висели у двери кабинета, чтобы ими мог пользоваться любой из домашних.

Ложась спать, я отвела взгляд от мужских туфель у кровати.

В темноте вспомнилась Нелла, прикасавшаяся к плащу. Я представила, как она ждала Северина в Белом Мысе. Как могла обрадоваться шуму у двери, бросить незаконченное дело, выйти навстречу. В этих движениях было слишком легко узнать себя.

Я еще не была готова утешать этих женщин. Мне хватило сил только на то, чтобы не выгнать их.

Уснула я под утро, а разбудил меня стук в дверь.

— Принесли почту, госпожа, — сказала Тильда. — Есть письмо лично вам. От ссудного дома.

Я села, откинула волосы с лица. Сначала подумала, что снова нужно передать Северину какую-нибудь бумагу.

Тильда положила конверт на стол и спросила, накрывать ли завтрак в малой гостиной. Я согласилась. Она ушла, а я некоторое время смотрела на свое имя.

Письмо было адресовано Агате Ровель, урожденной Бренн, владелице дома на Медной улице.

Я распечатала его ножом для писем. Управляющий ссудного дома подтверждал получение известия о предполагаемой гибели Северина и напоминал, что до срока расчета по залоговому обязательству оставалось два месяца. Платежей, о которых мой супруг обещал договориться, не поступало. На мне по-прежнему числилась вся сумма.

Шестьсот золотых крон.

Я достала из ящика свою копию обязательства.

Залог был настоящим. Моя подпись — тоже. Я помнила, как Северин объяснял, что деньги понадобятся ненадолго: следовало оплатить выгодную поставку, пока груз не перехватили другие покупатели. Он показывал мне расчеты, называл людей, с которыми работал много лет. Я задавала вопросы и получала ответы.

Дом мне тогда казался надежным залогом именно потому, что я не представляла себе его потери. Северин жил здесь вместе со мной. В этом доме были его спальня, кабинет, любимое кресло. Он говорил о нем «наш», и я слышала в этом то же, что вкладывала сама.

Перед последним отъездом он обещал, что часть суммы уже вернулась и скоро я смогу забрать залоговую запись.

Сквозь открытую дверь донесся голос Неллы, и я вспомнила, что в доме теперь двое посторонних.

Мне захотелось быстро убрать письмо. Инесса и без того смотрела на каждую вещь так, словно прикидывала, что в этом доме куплено на чужие деньги. Я не хотела обсуждать с ней залог, пока сама не поняла, что произошло.

Но письмо нельзя было просто отложить туда, где Северин потом нашел бы его сам.

Я написала в ссудный дом: попросила прислать полную выписку о платежах по моему обязательству и направлять дальнейшие сведения мне лично.

На подписи перо остановилось. Прежде после таких писем я звала Северина: он пробежал глазами строчки, иногда менял слово, говорил, что я слишком многословна или излишне беспокоюсь. Сегодня я перечитала написанное сама и запечатала конверт.

Потом умылась холодной водой, надела простое темное платье и пошла завтракать.

Инесса уже сидела у окна. Перед ней лежало письмо в Орсу; восковая печать еще не успела остыть. Нелла за стол не садилась, пока я не предложила ей место.

Инесса спросила, ответила ли Эдда. Я рассказала о посыльном и пообещала узнать, когда мастер вернется. Мы расселись почти так же, как накануне, только папок на столе теперь не было.

Я попросила Тильду отправить мои письма вместе с Инессиным. Пока экономка собирала их, в передней постучали. Я напряглась, ожидая Кресса.

Пришла помощница Эдды. Молодая гномка, которую я видела за прилавком мастерской, передала записку: хозяйка возвращалась вечером, а следующее утро было свободно. Она могла записать нас первыми, если время подходило. Брачные свидетельства следовало принести с собой — Эдда всегда просила их, когда проводила такие пробы.

— Можно сразу для троих? — спросила Нелла. — Мы хотели бы присутствовать все вместе.

— Конечно. Я оставлю для вас все утро. Подожду ответа, если вам нужно посоветоваться.

Я поблагодарила ее и попросила Тильду проводить в кухню, предложить горячего чаю. Записку положила между нами.

— Завтра утром, — сказала Инесса, прочитав. — Значит, еще один день.

Мне хотелось извиниться за ожидание, хотя я не назначала Эдде поездку и не могла заставить ее вернуться раньше. Я удержалась.

— Вы можете остаться здесь до завтра. Условия те же. Если захотите уйти, я попрошу подать повозку.

Нелла посмотрела на Инессу, но ответила сама:

— Я останусь. У меня все вещи здесь. И я хочу присутствовать, когда будут проверять ваши кольца тоже.

— Мы будем вместе, — сказала я. — Никто не понесет чужое кольцо отдельно.

Инесса кивнула и попросила показать записку еще раз. Она прочла подпись, название мастерской, время приема. Потом вернула лист мне.

— Хорошо. До проверки остаемся здесь.

Я достала перо, чтобы написать ответ. Нелла сдвинула свою чашку, освобождая мне место, Инесса подала бумагу из лежавшей на подоконнике стопки.

Эдде я сообщила, что мы придем втроем и принесем документы. Подпись поставила полную: Агата Ровель, урожденная Бренн. Впервые за четырнадцать лет мне захотелось, чтобы рядом с фамилией мужа стояла и моя собственная.

Глава 2. Кольца из одной чешуи

Перед выходом я попыталась снять кольцо и не смогла. За ночь пальцы отекли. Я подержала руку в холодной воде, намылила сустав, потянула еще раз — и только тогда узкий ободок соскользнул в ладонь.

На коже осталась бледная полоска.

Я завернула кольцо в чистый платок. Мне не хотелось бороться с ним в мастерской, пока две женщины будут ждать, когда наконец освободится палец законной жены.

Внизу Инесса застегивала дорожный плащ. Нелла стояла у окна с сумкой, прижатой к животу. Мы выехали рано, но у ремесленных рядов уже пришлось остановиться: поперек улицы разгружали повозку с глиной. Возница слез помочь, и я услышала над крышами тяжелый шелест крыльев.

Нелла подняла голову первой.

Дракон с рыжеватой шеей шел на посадку за мастерскими. Под грудью у него качался грузовой кожух, на ремнях блестели крепления. Я тоже проводила его взглядом, хотя сразу увидела чужую чешую. Северин возвращался домой с другой стороны города. Все четырнадцать лет я различала его над крышами раньше, чем успевала подумать, кого вижу.

Инесса опустила занавеску, чтобы в повозку не летела пыль от разгружаемых мешков.

У Эдды еще не открыли ставни торговой комнаты. Помощница впустила нас через боковую дверь и провела туда, где принимали вещи для пробы.

Я бывала здесь с отцом. Узнала высокий стол, тяжелые табуреты, запах нагретого металла. Только плиту на столе заменили. На старой я однажды разлила краску и пыталась оттереть пятно рукавом, пока отец спорил с Эддой о цене камней.

Хозяйка мастерской вышла нам навстречу, придерживая очки на широкой переносице. Седые волосы были заплетены вокруг головы, кожаный передник застегнут почти под горлом. Она посмотрела на мое черное платье и не стала произносить соболезнований при посторонних.

— Здравствуй, Агата. Проходите, госпожи. Сумки можно положить на скамью, а бумаги — сюда.

Я представила женщин. Эдда прочитала свидетельства, сверила имена и возле каждой выписи положила дощечку для кольца.

Я развернула платок. Инесса сняла свое кольцо, Нелла пока только покрутила ободок вокруг пальца.

— Вставка останется целой?

— Если оправа исправна. Сначала посмотрю ее. Для такой пробы чешую вынимать не требуется.

Эдда пододвинула лампу. В мягком свете камня я увидела царапины на своем кольце. У Инессы их было меньше. Неллино еще блестело, словно его недавно забрали у мастера.

— Вы расскажете, что делаете? — спросила Инесса.

— Расскажу. Только не трогайте чашу, пока я не позволю.

Эдда поставила на стол белую чашу с темным ободом. Из четырех почти одинаковых камней выбрала один и осмотрела через стекло. Я кое-что понимала в отцовском ремесле, но сейчас даже не знала, что она проверяет.

Мое кольцо Эдда уложила в узкую выемку на дне. Пробный камень мастер установила в оправу над ним и наклонила так, чтобы острие смотрело прямо на бронзовую вставку.

Эдда закрыла ставню. Помощница приглушила световую лампу. Мастер приоткрыла заслонку в оправе пробного камня, направляя его свет на вставку. Несколько мгновений ничего

не происходило, потом по чешуе пробежал красноватый отсвет. На белой стенке чаши появились тонкие линии, словно вставку увеличили во много раз и просветили изнутри.

Я наклонилась вперед.

В глубине бронзы различалась целая сеть: длинная изломанная черта, несколько ответвлений, узел из трех сходящихся штрихов. Я никогда не видела свое кольцо таким.

— Огневой рисунок, — объяснила Эдда. — Форма вставки зависит от огранки. Этот рисунок принадлежит дракону и при обработке сохраняется. Вот здесь удобно сравнивать.

Она указала на узел, не касаясь чаши.

Мастер перенесла видимый участок на лист, дала нам рассмотреть и вынула кольцо щипцами. Пока оно остывало на дощечке, взяла следующее.

У кольца Инессы вставка была шире. Рисунок проступил ярче, но я узнала тот же излом еще до того, как Эдда подвела к чаше свой лист.

Инесса медленно выдохнула через нос. Стоявший перед ней стул оставался пустым; она так и не села.

На третьем кольце Эдда поправила камень. Нелла подалась к столу, и я уже хотела попросить ее отойти, хотя ничем она мастеру не мешала.

Линии проявились. Три коротких штриха сходились в знакомом узле.

Помощница открыла ставню.

— Один дракон, — сказала Эдда. — Все три вставки.

Я посмотрела на наши свидетельства. Четырнадцать лет, три года, десять месяцев. Эдда ничего не сказала о времени; я сама снова прочитала даты, будто теперь они должны были выглядеть иначе.

— Вы уверены? — спросила я.

— В происхождении материала — да. Чтобы заключение связывало рисунок с именем Северина Ровеля, понадобится удостоверенный образец. Можно обратиться к мастеру, делавшему ваше кольцо. Он сохранил запись о заказе?

— Должен был сохранить. Отец у него заказывал оправу. Чешую Северин привез сам, при мне.

— Тогда укажите его имя, я запрошу запись. Сегодня я подтверждаю совпадение. Кто, когда и при каких обстоятельствах вручал кольца, расскажете уже дознавателю.

Нелла все еще смотрела на свое кольцо.

— Он сказал, что дарит часть себя.

Я отвернулась к окну.

Северин говорил мне то же самое. Перед венчанием сидел рядом, взяв мою руку, и просил не волноваться: отец останется поблизости, дом у нас будет хороший, я ни о чем не пожалею. Кольцо было чуть свободно. Северин шутил, что придется кормить меня пирогами, иначе жена потеряется вместе с подарком.

Я так любила его тогда, что не могла спокойно смотреть ему в лицо. Глядела на наши руки.

Сейчас мое кольцо лежало возле чужих.

— Здесь настоящая драконья чешуя, — сказала Эдда. — А подтвердим владельца по записи мастера. Только само по себе такое кольцо не мешает подарить другой женщине второе. Или третье.

Нелла сжала губы. Мне захотелось, чтобы Эдда смягчила сказанное, хотя я не представляла как.

— Мы думали, что есть какое-то другое объяснение, — произнесла я.

Инесса коротко взглянула на меня. Я впервые сказала за нас троих, и она не поправила.

Эдда разложила кольца по дощечкам.

— Подержите за золото. Уже можно.

Инесса спрятала свое в маленький кошелек. Нелла надела на палец. Я развернула платок, но не сразу решилась взять кольцо: завернуть его казалось почти тем же, что отказаться от всех прожитых лет. В конце концов убрала. Сегодня я просто не хотела снова тянуть его через распухший сустав.

Эдда составила заключение и велела помощнице сделать для каждой заверенную копию. Пока девушка писала, мастер спросила, обращались ли мы в магистрат.

— Еще нет, — ответила Инесса. — Сначала хотели разобраться между собой.

— В трех городах между собой не разберетесь. Просите передать коронному дознавателю. Клара Мерн разбирает такие дела здесь, в Вельдене. Я делала для нее пробы. Она умеет ждать ответа, если его пока нет.

На обратном пути мы почти не разговаривали. Уже у дома Нелла попросила остановить повозку у ступеней: у нее натерлась пятка. Я придержала дверцу и заметила, что золотой ободок снова сидит на ее руке так же естественно, как утром.

Мне стало завидно. Хотя бы это простое движение — надеть кольцо — еще давалось ей без долгого спора с собой.

Дома Инесса не поднялась к себе. Дождалась, пока Тильда унесет плащи, и спросила, где мы можем поговорить о деньгах.

Мы прошли в малую гостиную втроем.

— Мне нужно понять, что у него осталось, — сказала Инесса. — Я вложила в поставку четыреста пятьдесят крон. Срок расчета прошел. Если деньги у Северина в конторе или в товаре, надо успеть их найти.

Я посмотрела на потертую тесьму ее рукава. Прежде чем я успела спросить, сколько это для мастерской, Инесса добавила:

— Жалованье людям я пока выплачу. Вторую печь придется отложить. Дальше будет зависеть от заказов.

— У вас есть договор?

— Есть. И его расписки. Я не отдавала ему деньги без бумаг, Агата.

— Я спросила потому, что нас об этом спросят в магистрате.

— Значит, покажу.

Инесса достала из сумки сложенный лист, но оставила перед собой.

— Он мне обещал дом, — сказала Нелла.

Мы обе повернулись к ней.

— В Белом Мысе. Небольшой, с комнатой для уроков внизу, чтобы ученики не ходили через гостиную. Я дала сто восемьдесят крон из бабушкиного наследства. Северин собирался добавить свои.

— Вы там жили? — спросила я.

— Нет. Хозяин все не мог уехать. Так мне объяснили. Я пока снимаю жилье.

— Вы видели купчую?

— Северин говорил, что привезет, когда закончат с оформлением.

Нелла потерла пальцем шов на сумке.

— Расписку я взяла. Бабушка оставила мне деньги, чтобы у меня было свое место. Я думала, мы все делаем правильно.

Нелла подождала ответа и добавила:

— Дом еще мог быть куплен.

— Мог, — согласилась Инесса. — Купчую придется найти. Как и мои накладные.

Потом посмотрела на застекленный шкаф у стены. Я знала этот взгляд с первого вечера. На нижней полке стояло серебро, которое мать покупала еще до моего замужества.

— Если вы хотите спросить об этом доме, спросите, — сказала я.

— Хорошо. Он ваш. Но деньги Северина сюда приходили?

— Приходили. Он оплачивал часть расходов.

— Большую часть?

Я могла показать ей книги, объяснить, что покупала на свои сбережения, перечислить мои расходы и его. Вместо этого услышала собственный резкий голос:

— Вам уже сообщили, что я не умирала. Этого недостаточно?

— Для чего? Для уверенности, что вы ничего не знали?

Нелла отодвинулась от стола. Я заметила это движение и замолчала.

Инесса не знала обо мне почти ничего, кроме того, что в этой гостиной было дорогое серебро, а у нее пропали деньги. Я не хотела признавать, что сама считала бы похожим образом.

— Подождите здесь, — попросила я.

Наверху я остановилась у письменного стола. Можно было принести только домашние счета. Бумаги о залоге я не обязана была показывать двум незнакомым женщинам.

Потом я представила, как завтра опять буду следить за каждым взглядом Инессы на шкаф и каждый раз злиться.

В гостиную я вернулась с двумя книгами и письмом ссудного дома.

— Под залог этого дома Северин получил шестьсот крон. Подписывала я. Мне сказали, что вложение удачное, показали расчеты. Часть денег он будто бы уже вернул. Вчера выяснилось, что кредитор не получил ничего.

Инесса перестала поправлять лежавшие перед ней листы.

— Шестьсот?

Я подала ей письмо. Затем свою копию обязательства.

— До срока около двух месяцев. Это моя подпись. И дом мой, поэтому спрашивать будут с меня.

Инесса прочла оба листа и вернулась к первому.

— А это? — Она кивнула на книги.

— Расходы дома. Вторая — прошлогодняя. Я сводила записи еще до похорон, когда не могла спать. Вот мои поступления, вот то, что передавал Северин. Крупных покупок за последнее время не было.

Я открыла на нужном месте. Между страницами лежал счет за починку крыши, сложенный вчетверо. На полях я приписала, что мастер должен вернуться до дождей.

Инесса перевернула несколько листов, задержалась на оплате дров, на жалованье Тильде. Я пожалела, что дала ей книгу. Там было слишком много нашего обычного житья: лекарство, которое я покупала мужу после простуды, его сапоги, заказанные мной к осени, поправка на полях — «С. сказал, здесь посчитано дважды».

Инесса закрыла книгу.

— Я думала, вы знаете, откуда у него деньги.

— А я думала, что знаю, где мой муж проводит зиму.

Она не стала спорить.

— Я больше не буду говорить, что вы все устроили вместе с ним. Для этого у меня ничего нет.

Мне хотелось спросить, почему еще час назад этого было достаточно. Но она вернула письмо осторожно, подровняв загнувшийся угол, и я удержалась.

Нелла сидела очень прямо, прижав колени друг к другу.

— Может быть, он собирался вернуть, — сказала она. — Всем.

Я устало провела ладонью по лицу.

— Тогда мы найдем, из чего. Если у него были товары, счета, деньги. Я сейчас другого способа не вижу.

После обеда я отправила в магистрат записку с кратким изложением дела. Приложила копию заключения Эдды и попросила принять нас вместе. Ответ принесли к вечеру: Клара Мерн ожидала нас утром.

Приемная коронного дознания находилась в северном крыле магистрата. У входа нас пропустили через узкую калитку возле охранной цепи. На каменных косяках тускло светились гномьи клейма.

Дракон впереди нас задержался у цепи, пока стражник сверял его имя со списком вызванных. За порогом ему пришлось бы оставаться человеком: замкнутые клейма не давали завершить превращение. Северин не любил сюда ходить и предпочитал посылать Кресса.

На столе Клары Мерн стояли две стопки книг, чашка и песочница. Самой Кларе было немногим больше сорока пяти; темные волосы гладко убраны, на пальце чернильное пятно.

Она предложила садиться, но к бумагам сразу не потянулась.

— Кто из вас может начать? Остальные дополнят. Потом я задам каждой свои вопросы. Инесса посмотрела на меня.

Клара выслушала мою историю от сообщения Кресса до пробы колец. Несколько раз остановила: что я видела сама, а что знаю только со слов мужа.

После меня говорили остальные. На словах «назвал себя вдовцом» Нелла запнулась. Клара налила ей воды и подождала, пока она сможет продолжить.

Клара сравнила даты на выписях. Я невольно ждала, что она назовет настоящее свидетельство, а два других отложит.

— Я направляю запросы в Орсу и Белый Мыс, — сказала она. — Вашу запись проверят здесь. Пока у нас выписи. Нужны подтверждения из самих книг и сведения о поручителях. Ответы займут время.

— Сколько? — спросила Нелла.

— Дорогу туда и обратно вы знаете. Плюс время, чтобы поднять записи. Раньше недели не рассчитывайте; из Белого Мыса, вероятно, дольше.

— Нам уезжать?

— По возможности останьтесь на несколько дней. Я запишу, где вас найти.

Мы назвали один адрес. Клара ничего не сказала, лишь вписала Медную улицу под тремя именами.

— Теперь о деньгах.

Доставая письмо, я ожидала вопроса, как можно заложить родительский дом, не выяснив всего самой.

Клара спросила только, моя ли подпись и есть ли у меня бумаги о самой поставке.

— Часть бумаг дома, в кабинете мужа, часть в конторе. Я не знаю, где именно нужные.

— Кто сейчас имеет доступ?

Я рассказала о Крессе и его просьбе забрать бумаги.

— В кабинете ничего не перекладывайте и Крессу не передавайте, пока я не составлю опись. Оригиналы оставьте у себя, вместе с письмами и конвертами. Мы снимем копии, а то, что потребуется изъять, я приму под расписку.

Она записала что-то на отдельном листе.

— Я свяжусь с конторой и вызову Кресса. О смерти пока со слов одного человека. Предметы из погребального дома тоже осмотрят. Это отдельная проверка.

— Похороны ничего не меняют? — спросила я.

— Прощание не заменяет установления гибели. И долг сам по себе от смерти не исчезает. По дому сейчас обещать вам нечего, госпожа Ровель. Покажете ответ ссудного дома, когда получите.

Мы подписали показания. Пока делали копии наших бумаг, я сидела возле Неллы и смотрела на свой адрес под ее именем.

У нее этот адрес был временным. Мой тоже мог им стать.

Вечером Тильда поставила на стол пирог с луком и грибами. Раньше она пекла такой, только когда Северин уезжал: он утверждал, что даже запаха лука не переносит.

Я отрезала себе большой кусок. За весь день мы толком не поели.

— Северин любил такой пирог, — сказала Нелла.

Нож остановился возле второй тарелки.

— С луком?

— Особенно с луком. У нас у пристани пекли. Я заказывала к его приезду, чтобы забрать горячим.

Тильда посмотрела на меня. Я чуть повела головой, и она вышла, оставив блюдо на столе.

— Здесь он его не ел, — сказала я. — Просил даже в подливу не добавлять.

Нелла опустила глаза на пирог. Я не хотела отнимать у нее и это воспоминание.

— Может быть, у вас иначе готовили, — предположила она.

— Может быть.

— У меня он нахваливал судака в сливках, — сказала Инесса. — Я старалась, когда он приезжал. В мастерской могла весь день провести, но рыбу делала сама. Он уверял, что только ради нее стоило долететь до Орсы.

Я вспомнила, как перед одной из поездок Северин просил приготовить к его возвращению мясо, потому что у поставщиков его опять будут кормить рыбой.

Говорить об этом Инессе я не стала.

— Что ж, ел он везде хорошо, — произнесла она и протянула мне тарелку.

Я положила ей кусок. Потом Нелле.

Какое-то время слышался только стук приборов. Мне вдруг захотелось узнать, нравился ли ему хоть раз мой ужин сам по себе, без похвалы, после которой я соглашалась подождать, уступить, не спрашивать лишнего. Но Северин ел дома четырнадцать лет. Не мог же он все это время только притворяться голодным.

Я фыркнула. Женщины подняли головы.

— Простите. Я сейчас попробовала усомниться даже в том, что он хотел есть.

Инесса посмотрела на оставшуюся половину пирога.

— В этом я бы ему поверила.

Нелла улыбнулась и сразу поднесла салфетку к лицу. Я испугалась, что она заплачет, но она лишь промокнула губы.

— Он всегда доедал мою корочку. Я ее не люблю.

Никто не ответил. Я легко представила, как он протягивает руку к ее тарелке. Так же непринужденно, как к моей.

— Оставьте, если не хотите, — сказала я, когда Нелла попробовала откусить жесткий край.

Она отложила корочку на тарелку.

После ужина Инесса спросила Тильду, что нужно купить на завтра. Экономка назвала крупу, масло и свечи для кухни. Я уже открыла рот, чтобы сказать, что в моем доме гостей кормят за мой счет, но вспомнила две книги, лежавшие наверху.

— Давайте запишем расходы, — предложила я. — Если остаетесь, будем делить стол на троих. Без платы за комнаты.

Инесса согласилась. Нелла спросила, можно ли отдать свою долю утром: кошелек был в дорожном сундуке.

Я сказала, что можно.

На следующий день, после полудня, Тильда сообщила, что меня спрашивает Лукас Арен.

Я несла Нелле починенную туфлю. Сапожник подложил мягкую кожу под жесткий задник; оставалось проверить, не будет ли снова натирать.

— Он сказал, зачем пришел?

— По делу господина Ровеля. Ждет в передней.

Я отдала туфлю Тильде и спустилась.

Лукас стоял возле окна, держа под мышкой плоскую кожаную папку. Четыре года назад я запомнила его сердитым, почти грубым. Сейчас он просто устало смотрел на улицу. У висков прибавилось седины. На коротком дорожном плаще высохли капли грязи, ворот рубашки был расстегнут под застежкой для полета.

Увидев меня, он выпрямился.

— Госпожа Ровель.

Четыре года назад он точно так же ждал здесь, а я отказалась пригласить его дальше.

— Вы узнали о Северине?

— Сегодня утром. Я вернулся с обозом и зашел к человеку, с которым он вел расчеты. Там мне сказали о прощании.

— Тела не нашли.

— Я слышал. Мне жаль, что все произошло таким образом.

Он выдержал паузу и добавил:

— Но я пришел поговорить о деньгах. За Северином остается долг. Я хочу заявить требование к его имуществу и выяснить, где теперь деловые книги.

Я почувствовала знакомое раздражение. Именно так муж описывал Лукаса: он всегда являлся за деньгами, которые считал своими. Я успела почти дословно повторить это про себя, прежде чем вспомнила, с чем вчера сидела перед Кларой.

— Входите.

Лукас взглянул на открытую дверь гостиной, потом на меня. Отдал Тильде плащ, но папку оставил при себе.

Я предложила ему стул. Он сел, вытянул ногу, поправил край сапога. На костяшках пальцев были свежие ссадины. Он жил все эти годы, работал, куда-то возвращался. В моих воспоминаниях так и оставался возле двери, за которую я его выставила.

— Северин говорил, что все расчеты между вами закончены.

— Он показывал вам акт о разделе товарищества?

— Нет.

— Тогда начнем с него.

Лукас вынул из папки лист и положил передо мной.

— Это копия. На обороте заверение писца. Оригинал я уже предъявлял, когда обращался с жалобой. Здесь значится мой вклад: триста шестьдесят крон. А здесь — основание, по которому Северин удержал всю сумму. Он заявил, что я получил деньги с продажи общего товара и не внес их в кассу.

Я прочитала строчки, на которые он указал.

— Вы утверждаете, что не получали?

— Утверждаю. Покупатель рассчитался через нашу контору. В суд принесли сводный счет с моей фамилией. Расходной книги и расписки о выдаче денег мне не предъявили. Северин сказал, что бумаги потерялись при переезде склада.

— Почему тогда оставили все как есть?

Он убрал руку со стола.

— Я не оставил. Меня не признали виновным в присвоении, но и деньги вернуть не удалось. Для нового рассмотрения нужны документы. Я запрашивал их у Северина, у Кресса, у покупателя. Покупатель мог подтвердить только то, что оплатил товар конторе. Кому выдали деньги дальше, он не знал.

Лукас говорил ровно, но перед каждым ответом делал паузу. Ему явно было тяжело снова объяснять все именно мне.

— Вы могли бы написать.

Он посмотрел на меня без удивления.

— Я написал. Потом пришел. Вы сказали, что больше не станете принимать мои письма.

Я помнила. Северин три вечера рассказывал мне о нерадивом компаньоне, приводил суммы, сердился так убедительно, что я начала сердиться вместе с ним. Когда Лукас явился, я уже знала, какой он человек.

— Теперь я готова посмотреть бумаги, — сказала я.

Он чуть склонил голову.

— Они перед вами.

Я снова прочитала акт. Затем спросила:

— Вы знаете Клару Мерн?

— Коронного дознавателя? По имени. Моим старым делом занимались в торговом суде.

А что?

С лестницы донеслись шаги. В открытую дверь заглянула Инесса и замерла, увидев посетителя.

— Инесса, войдите, пожалуйста. Господин Арен — бывший компаньон Северина. Он принес требование о невозвращенных деньгах. Я думаю, вам нужно это услышать.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Я позову Неллу.

Лукас перевел взгляд на меня.

— Клара проверяет наши брачные записи, — сказала я. — Инесса обвенчалась с Северином три года назад. Нелла — десять месяцев назад. Им сообщили, что я умерла.

Он не ответил. Я увидела, как его взгляд остановился на моей руке, лежавшей возле копии акта. Кольца на ней не было.

— Обе приехали проститься с ним, — добавила я. — Мы встретились в погребальном доме.

Лукас медленно откинулся на спинку стула.

Я ждала усмешки. Вместо этого он спросил:

— Они знали друг о друге?

— Ни друг о друге, ни обо мне.

— Кресс что говорит?

— Предлагает ждать, пока его поверенный разберется. Он и сообщил каждой из нас о смерти.

Лукас посмотрел в сторону двери, из-за которой уже слышался голос Неллы.

— Я бы ему бумаги не отдавал.

— Мы не отдали.

Он повернулся ко мне и коротко кивнул.

Когда женщины вошли, Лукас поднялся. Я представила их, на этот раз назвав каждую полностью, и попросила его повторить рассказ. Он сел только после них и снова развернул акт.

Инесса слушала, положив локти на стол. Нелла устроилась рядом со мной. Ей пришлось подвинуться, чтобы мы обе могли видеть лист, и наши рукава соприкоснулись. Я не отстранилась.

— Значит, теперь вы рассчитываете получить деньги из того, что осталось? — спросила Инесса.

— Да. Если требование подтвердят.

— А если оставшегося не хватит на всех?

— Решать будет суд. Я не собираюсь говорить, что пришел только ради доброго имени. Деньги мне тоже нужны.

Эта прямота была неприятна, но понятна. Я рассказала о залоге дома. Инесса назвала свою сумму, Нелла — свою. Лукас слушал, не перебивая, потом потянулся к папке и достал еще один лист.

— Здесь перечень того, что я запрашивал. Посмотрите, встречалось ли что-нибудь из этого у вас. Не названия товара — названия книг, конторские обозначения.

Я пробежала глазами список. Главная расходная книга, расписки о выдаче выручки, переписка по совместной поставке. На полях стояли даты обращений, некоторые разделяло по несколько месяцев.

— В его кабинете есть старые книги, — сказала я. — Я не разбираю их. Не знаю, сохранилось ли нужное вам.

— Можно взглянуть?

— При Кларе. Она велела пока ничего не переносить и не отдавать без описи.

— Разумно. Когда она придет?

— Я напишу ей сегодня.

Нелла осторожно прикоснулась к краю списка.

— А наши деньги там тоже могут быть?

— Записи о них — могут, — ответил Лукас. — Сами деньги я вам обещать не стану. Сначала нужно понять, что он действительно покупал и кому платил.

Я посмотрела на Инессу. Та читала даты старых обращений Лукаса и медленно разглаживала лист ладонью. Соглашаясь на его помощь, мы могли дать еще одному кредитору возможность доказать долг. А денег Северина на всех могло не хватить.

— Если вы будете помогать разбирать счета, их увидим мы все, — сказала я. — Инесса, Нелла и я. Не только то, что касается ваших трехсот шестидесяти крон. Мы хотим найти и свои деньги.

— Я понимаю.

— И если что-то окажется непонятным, вы объясните. Даже если вопрос покажется вам глупым.

Лукас взглянул на меня чуть пристальнее.

— Спрашивайте. Только ответить я смогу не на все. После раздела дела я не имел доступа к книгам.

— Тогда начнем с тех, к которым имели.

Он оставил нам копии. Я проводила его до передней, пока женщины рассматривали список. Тильда принесла плащ; Лукас поблагодарил ее и сам застегнул ворот.

— Когда получите ответ от Мерн, пришлите записку сюда.

Он вынул из папки чистый листок и попросил перо. Я принесла, он написал адрес.

— Завтра я в городе. Если прием будет позже, договоримся о времени.

Я взяла листок. Мне хотелось что-нибудь сказать о том, прежнем разговоре у двери, но слова пока получались либо слишком маленькими, либо такими, после которых от него пришлось бы ждать утешения.

— Я дам вам знать, — сказала я.

Вернувшись в гостиную, я достала бумагу. Написала Кларе, что у бывшего компаньона Северина сохранились документы по их общему делу. Попросила назначить время осмотра кабинета и разрешить Лукасу Арену присутствовать, чтобы он мог пояснить записи. Добавила, что все три заявительницы хотят участвовать.

Потом передала письмо Инессе и Нелле. Мы прочитали его вместе. Инесса уточнила одну строчку о поставке; Нелла попросила упомянуть, что у нее есть расписка на деньги для дома.

Я внесла обе поправки и подписалась первой. Подвинула чернильницу к Инессе.

Глава 3. Письмо после похорон

Кабинет пришлось отпереть самой.

Клара стояла рядом, ее помощник держал раскрытую папку. Позади ждали Инесса, Нелла и Лукас. Я вставила ключ и почему-то вспомнила, как Северин однажды заперся здесь, чтобы упаковать подарок мне ко дню рождения. Изнутри доносился треск бумаги. Я смеялась и обещала не подглядывать.

Теперь у двери стоял коронный дознаватель.

Наше письмо отправили накануне. Утром пришел ответ: осмотр назначили на одиннадцать. Я успела предупредить Лукаса и принести дополнительные стулья. Все это было проще, чем повернуть ключ.

— Створка цепляет ковер, — сказала я. — Нужно немного приподнять.

Лукас придержал дверь, пока я отводила край дорожки. Я вошла первой.

На столе лежал нож для бумаги с треснувшей костяной ручкой, рядом — счет за осенний сюртук Северина. Возле окна стояло кресло, в котором я сидела, когда муж читал вслух письма из конторы. Если письмо оказывалось скучным, он пропускал целые куски и рассказывал мне только смешное.

Я пододвинула кресло к столу.

— Сначала посмотрим стол, затем книги, — сказала Клара. — Я буду отмечать, откуда что взято. Господин Арен, показывайте нужное мне. Самим пока ничего не вынимать.

Лукас согласился. Помощник Клары, невысокий гном с коротко подстриженной седой бородой, сел записывать. Я села в кресло, Инесса заняла стул рядом; Нелла осталась возле окна.

Клара открыла верхний ящик: печать, перья, мелкие ключи, чистые листы. Во втором лежали письма, перевязанные зеленой тесьмой.

— Это ваше? — Клара показала мне маленький конверт.

На нем моей рукой было написано: «Открой в дороге».

Я узнала бумагу. Отправляла Северина в Орсу, положила в сумку теплый шарф и записку. Сама его провожала, сама поправляла ворот, чтобы не натерло шею.

— Мое.

Клара вернула конверт на место, не разворачивая лист. Я почувствовала благодарность и тут же смутилась: радовалась, что одну мою глупость не прочтут вслух.

В книжном шкафу нашлись счета за последние годы. Лукас узнавал переплеты, объяснял пометки на корешках. Две книги относились ко времени их товарищества, но нужной ему расходной среди них не было.

— Эта тоже пригодится, — сказал он, когда Клара раскрыла тонкую тетрадь. — Здесь записывали, кому пересылали подлинники расписок. Можно будет проверить, что осталось у покупателей.

Нелла придвинула свой стул. Инесса достала копию договора. Через полчаса я уже различала почерк конторского писца и широкие, немного наклоненные буквы Кресса.

— Агата, это расчет, который вам показывали? — спросила Клара.

Я узнала сложенный вдвое лист. Еще прежде, чем прочла сумму, заметила пятно в нижнем углу: Северин задел блюдо с вареньем, когда мы обсуждали залог дома.

— Да. Он принес его после ужина. Сказал, что нужно оплатить последнюю часть закупки. Остальное уже внесено.

Вверху стояло: «Зимняя партия огнекамней. Каменный Торг».

Инесса наклонилась к листу.

— Мне он говорил то же самое.

Я посмотрела на нее. Она вынула свой расчет и положила рядом, под рукой Клары. Тот же продавец, тот же срок отправки, те же камни для больших отопительных чаш. Только сумма была другой.

— Мне объяснили, что не хватает моих четырехсот пятидесяти, — сказала Инесса. — После этого товар должен был уйти покупателю.

Клара сверила обе бумаги.

— В одной поставке могли участвовать несколько вкладчиков. Надо проверить, сколько требовал продавец и сколько получил.

— Конечно, могли, — ответила я. — Но мне муж сказал, что все уже оплачено, кроме моей доли. А Инессе — кроме ее.

Я помнила, как Северин накрыл своей ладонью мою: я все еще сомневалась, стоит ли связываться с залогом. Он велел посмотреть на расчет еще раз. Мне стало стыдно за собственный страх.

Лукас прочитал оба листа и спросил Клару, есть ли к ним счета продавца.

Они нашлись не сразу. Солнце поднялось выше и ударило Нелле в лицо. Пока Клара перебирала связки, Нелла пересела к двери.

Из соседнего ящика вынули еще одну тетрадь. В ней рядом с поступлениями стояли короткие объяснения, куда предназначались деньги. На одной странице я заметила название Белого Мыса.

— Нелла, посмотрите.

Она подошла. Я показала строчку с ее инициалами и суммой: сто восемьдесят крон. Ниже той же рукой было приписано: «Перенести на закупку огнекамней».

Нелла попросила свою расписку. Та лежала перед Klarой вместе с нашим заявлением. Даты совпали.

— Что значит «перенести»? — спросила Нелла.

Клара придвинула к ней тетрадь.

— Судя по записи, сумму предназначили для закупки. Вы разрешали использовать ее таким образом?

— Я давала на дом.

Нелла выпрямилась. Голос у нее стал четче, чем с утра.

— Я бы не согласилась. Мне нужно было знать, когда переезжать. У меня ученики, занятия назначены на месяцы вперед. Я не могла просто забрать их и уйти в другой конец города.

К часу у меня разболелась голова. Я уже дважды перечитывала одну и ту же строчку, не понимая смысла. Клара закрыла очередную книгу.

— Пока достаточно. Эти бумаги заберу по описи. Вам оставим копии нужных страниц.

— А контора? — спросила Инесса. — Там ведь тоже есть счета.

— Часть мы уже получили. Кресс утверждает, что остальные надо искать у торговцев. Будем сопоставлять.

— Он знает, что мы здесь вместе?

— Я задавала ему вопросы о каждом браке. И о том, на каком основании он поручался за Северина. Он настаивает, что полагался на слова хозяина.

Я вспомнила, как Кресс предлагал нам разъехаться. Если бы мы согласились, сейчас эти расчеты лежали бы в трех разных городах.

Пока помощник составлял опись, Тильда принесла в гостиную хлеб, холодное мясо и кувшин воды. За столом на минуту стало тихо.

Я села и отломилась хлеб.

Лукас занял место с краю. У него был с собой дорожный мешок; из-под неплотно стянутого клапана виднелся ремень с широкими прокладками для груза.

— Вам придется задержаться из-за нас? — спросила я.

— Сегодня я никуда не выезжаю. К вечеру заберу вещи у шорника.

Я была рада, что не оторвала его от работы. Новые обязательства перед Лукасом тревожили меня почти так же, как прежние.

После ухода дознавателя в кабинете остались пустые места на полках. Я закрыла дверь, но ключи убрала уже без прежнего ощущения, будто совершаю что-то дурное за спиной мужа.

На следующее утро пришла выпись ссудного дома. Она подтвердила то, что я уже знала: обещанного погашения не было. Я вложила ее в папку для Клары, записала срок на отдельном листе и не стала перечитывать в третий раз.

Нелла собиралась на почту. Перед отъездом из Белого Мыса она попросила хозяйку жилья пересылать все, что придет на ее имя, в Вельден, до востребования. Теперь хотела узнать, не привезли ли что-нибудь.

— Туфля больше не натирает? — спросила я.

— Нет. Передайте, пожалуйста, Тильде, что я ей очень благодарна.

Она задержалась у двери, потом просто ушла. Я решила не спрашивать, как она спала.

Инесса занялась письмом в мастерскую. Я отвела ее в галерею над двором: там было светлее, чем в гостиной. Сама села рядом разбирать оставленные нам копии.

Потом снизу позвала Нелла.

Она стояла у лестницы без перчаток. Плащ еще был застегнут; одна завязка шляпы выбилась из узла. В руке она держала два конверта и лист, развернутый так неровно, что по старому сгибу начала расходиться бумага.

— Он написал мне.

Я спустилась на несколько ступеней.

— Кто?

Нелла подняла лист. Я узнала наклон букв, длинный росчерк под последней строкой.

— Северин. После того дня. Агата, посмотрите на печать.

Инесса вышла из галереи и остановилась позади меня.

— Вы прочли?

Нелла кивнула.

— Он жив.

Я взяла письмо, осторожно придерживая надорванный сгиб.

Я попросила ее пройти в гостиную. Здесь, у лестницы, мне не удавалось разобрать ни строчки.

Мы сели у окна. Инесса взяла конверты, а я развернула лист до конца.

«Нелла, милая моя.

Если до тебя дошли дурные вести обо мне, не принимай их на веру. Я оказался в положении, из которого не могу выбраться сразу. Есть люди, которым выгодно, чтобы я не вернулся к своим делам, и сейчас осторожность нужна нам обоим.

Не обсуждай это письмо с посторонними. Тебя могут расспрашивать обо мне, называть себя друзьями, показывать бумаги. Прошу об одном: прежде чем решать что-либо, дай мне возможность все объяснить лично.

Оставайся в Белом Мысе. Я напишу, как только смогу приехать. Береги себя и не плачь. Ты знаешь, как тяжело мне видеть твои слезы.

Твой Северин».

Я прочла письмо еще раз. Почерк был его. Знакомые слова тоже были его: осторожность, дурные вести, возможность все объяснить. И это «не плачь», после которого женщина должна была еще пожалеть его за собственное горе.

— Он написал, чтобы вы оставались в Белом Мысе, — сказала я.

— Я уехала раньше, чем письмо пришло. Хозяйка вложила записку. Она отправила его следом, как я просила.

Нелла показала узкую полоску бумаги из наружного конверта. В ней было несколько строк о пересылке и просьба сообщить, надолго ли задержится квартирантка.

Инесса повернула внутренний конверт к свету.

— Здесь два дня после той даты, которую назвал Кресс. Посмотрите сами.

Я посмотрела. Почтовая отметка была четкой.

Два дня.

Я представила не море и не обрыв, а Северина за столом. Он склонялся над листом, придерживал бумагу левой рукой. Живой человек, который мог поднять голову и что-нибудь сказать. Попросить еще чаю. Улыбнуться.

Мне стало так легко, что я испугалась.

Нелла потянулась к письму, и я отдала его прежде, чем она успела попросить.

— Надо сказать Кларе, — произнесла Инесса.

Нелла прижала лист к себе.

— Он просил никому не показывать.

— Вы уже показали нам.

— Потому что вы тоже... — Нелла посмотрела на меня. — Вы должны были узнать. Он ведь и ваш муж.

Я не отвела глаз. Впервые мне не захотелось возразить, услышав слова об общем муже.

— Клара выяснит, откуда отправили письмо, — сказала я. — Кто принес его на почту. Мы сами этого не узнаем.

— А если ему действительно угрожают? Он пишет, что нельзя верить людям, которые показывают бумаги. Может быть, он этого и боялся.

Инесса положила конверт на стол.

— Нелла, я не угрожала вашему мужу. Я за него замуж вышла.

— Я не о вас.

— А о ком? Пока здесь только мы, Лукас и дознаватель. Кого из нас он считает опасным, он не написал.

Нелла снова посмотрела на письмо. Мне было знакомо это движение: искать в уже прочитанном хоть одну строчку, которую можно истолковать иначе.

— Там нет ни имени, ни места, — сказала я тише. — Он не сообщил, куда обратиться за помощью. Не попросил прислать стражу или целителя. Он просит только ждать.

— Может быть, не мог написать больше.

— Может быть. Поэтому и нужно выяснить.

Нелла провела ладонью по разошедшемуся сгибу. Инесса ждала, прижав пальцем угол конверта, чтобы тот не свернулся.

— Пусть Клара прочтет, — наконец сказала Нелла. — Но я хочу сама ей его передать. И услышать, что она скажет.

— Мы поедем вместе.

Я поднялась и заметила, что у меня дрожат руки. Спрятала их в карманы платья, но Нелла уже увидела.

Кларе сначала отправили записку. Ответа пришлось ждать до середины дня: она была занята. Тильда заставила меня съесть тарелку супа. Я ела, глядя на дверь, за которой Нелла сидела со своим письмом.

Когда мы добрались до магистрата, нас провели прямо к Кларе. Она прочла письмо, рассмотрела почтовые отметки и разложила оба конверта перед собой.

— Внутреннее отправили из Каменного Торга, — сказала она. — Через два дня после предполагаемого падения. Затем Белый Мыс и пересылка сюда. Сам лист датирован?

— Нет, — ответила Нелла. — Но он предупреждает о дурных вестях. Откуда бы он знал о них заранее?

— Это хороший вопрос. Его надо будет задать. Скажите, кроме мужа, его переписку кто-нибудь отправлял?

— Иногда Кресс. Если Северин оставлял ему письма перед дорогой.

— Значит, пока мы знаем, когда конверт приняли на почте. Написать его могли раньше, передать для отправки другому человеку. Я не могу на основании одной отметки утверждать, что ваш муж жив.

Нелла опустила руки на колени.

— Но он может быть жив?

— Да. И это мы теперь будем проверять.

Я передала выписку ссудного дома. По крайней мере, в ней было точно написано, чего от меня хотят.

— Вы уже говорили с Крессом о гибели? — спросила я.

— Говорила. Он повторил, что видел падение во время шторма. Самого тела не видел. Поисковики нашли вещи, но подтвердить смерть по ним нельзя.

Клара придвинула себе письмо и спросила у Неллы разрешения оставить оригинал, выдав расписку. Нелла помедлила, потом согласилась.

— Мне нужна копия. Всего письма, пожалуйста.

— Сделаем.

— И если найдете его, сообщите нам сразу. Не через управляющего.

— С вами я и работаю, госпожа Ферн.

На обратной дороге Нелла несколько раз проверила, застегнут ли замок сумки с копией письма.

Вечером я попросила Тильду задвинуть засов пораньше. Через час сама спустилась проверить дверь. Постояла возле нее и вернулась наверх, так и не коснувшись засова.

Утром я застала Инессу в галерее. Она сидела над нашими копиями, придерживая листы тяжелым стеклянным прессом из отцовской мастерской. Я принесла свою папку и придвинула стул.

— Нужно собрать все по порядку, — сказала она. — Я второй раз ищу дату, которую вчера уже находила. Давайте заведем один перечень. Что дали, что обещали, какая бумага это подтверждает.

— Только без догадок вместо фактов.

— Согласна. Для догадок возьмем другой лист.

Она подвинула мне чистую тетрадь.

Я написала свое имя, сумму залога и дату. Рядом отметила письмо кредитора, обязательство, расчет поставки. Инесса диктовала данные своей расписки. Когда дошли до Неллы, она задержала палец на строчке.

— Она сама проверит, — сказала я. — Оставим ей место.

Я взяла свою чашку и обнаружила, что чай почти остыл. Вчера я забыла попросить Тильду сменить огнекамень под чайником.

Инесса заметила мой взгляд.

— Камень уже слабый. Вчера вечером я проверяла свою грелку. Если не отнести на нагрев, к ночи остынет совсем.

— Я попрошу Тильду.

— Она ушла к сестре. Сказала, до полудня. На кухне оставила обед.

Я вспомнила: экономка предупредила еще вчера. Я сама велела ей не отменять выход.

Мы спустились в кухню. Большой камень из-под чайника я вынула щипцами. Он еще грел, но слабо. Положила в глиняное гнездо дорожной корзины и накрыла тканью.

— Завтра с утра отнесу к мастеру, — сказала я.

Инесса осмотрела пустую подставку. На боку возле ручки темнела тонкая трещина.

— Эту лучше больше не нагревать. Пока поставим чайник на печь.

— Она совсем новая.

— Похоже на плохой обжиг. Но все равно пользоваться нельзя, пока не проверят.

Она повернула подставку дном вверх, нашла клеймо и, кажется, немного расслабилась.

— Не наша работа.

Я засмеялась прежде, чем подумала, уместно ли.

Инесса тоже улыбнулась.

— Простите. Привычка. Если вижу плохую керамику, сначала проверяю, не придется ли за нее отвечать.

Мы вскипятили воду на обычной печи и вернулись в галерею. Корзину я оставила у кухонной двери, чтобы не забыть утром; треснувшую подставку убрала.

— Сколько мы должны за последние покупки? — спросила она, когда я разливала чай.

Тильда оставила счета в блюде на полке. Я принесла их вместе с оставшейся после рынка сдачей. Инесса достала кошелек. Мы записали расходы, сложили деньги на следующую закупку в отдельный конверт.

— За нагрев я заплачу сама, — сказала я. — Камни в доме мои.

— Но пользуемся мы все. Если задержимся еще на неделю, добавим к расходам. Вам не нужно нас содержать.

— А вам не нужно оплачивать все, что сломается после вашего приезда.

Инесса посмотрела на меня поверх края чашки.

— Хорошо. Тогда считаем еду и нагрев, а подставка остается вашей заботой. Неллу спросим за обедом.

Потом мы вернулись к распискам. У Инессы была хорошая память на числа; у меня — на обстоятельства. Одну дату я восстановила по счету за крышу: Северин тогда сердился из-за лесов во дворе и предложил поговорить о поставке в гостиную. Инесса нашла у себя письмо за ту же неделю.

— Он все время говорил, что мне нужно меньше работать, — произнесла она. — Женился на хозяйке мастерской и тут же принялся объяснять, что я слишком много сил трачу на глину.

— Хотел, чтобы вы ее продали?

— Нет. Хотел, чтобы делами занимался кто-нибудь другой, а деньги оставались. Я наняла помощника. Он оказался хорошим работником, так что хоть здесь я не потеряла.

Инесса перевернула письмо, не перечитывая.

— Первый муж мастерскую понимал. Мы вместе выбирали печь. Иногда ругались из-за цены так, что люди на улице слышали, но он знал, почему я встаю затемно.

— Давно он умер?

— Шесть лет назад. Первые годы я работала, потому что домой возвращаться было незачем. Потом встретила Северина. Он приезжал, и я вдруг начинала торопиться. Хотелось успеть к ужину.

Она коснулась чашки, но пить не стала.

— Я ведь не ждала, что он будет жить в Орсе безвыездно. Работа есть работа. Думала, несколько дней вместе — тоже жизнь. Особенно когда тебе обещают, что скоро станет легче с поездками.

Я вспомнила, как Северин убеждал меня не считать дни. Он же всегда возвращался. Разве не это было главное?

— Я иногда радовалась, когда он уезжал, — сказала я.

Инесса подняла глаза.

— Могла лечь с книгой и не идти к ужину, если не хотелось. Или весь день ходить в старом платье. А потом начинала скучать и злилась на себя за то первое облегчение.

— Я тоже радовалась. Можно было вернуться к печам и никому не объяснять, почему опоздала.

Мы помолчали. Мне не стало лучше, зато не пришлось защищать свой брак.

— Я не знала, — сказала Инесса. — Об Агате из Вельдена. Если бы знала, что вы живы, я бы не... Впрочем, я это уже говорила.

— Я верю, что вы не знали.

Она медленно выпрямила лежавший перед ней лист.

— В первый день вы мне совсем не верили.

— В первый день я еще не видела, как вы читаете письмо о моем доме. И свои счета. Мне понадобилось время.

Инесса кивнула. Я по-прежнему не хотела знать, как Северин целовал ее перед сном. Для доверия нам пока хватало меньшего.

Мы дописали перечень. Я пронумеровала страницы, Инесса проверила даты, и несколько раз мне пришлось переспросить, где она различила пятерку, а где тройку.

— Давайте на ты, — предложила я, откладывая перо. — Мне уже странно каждый раз выговаривать это «вы».

Инесса посмотрела на меня и улыбнулась одним уголком рта.

— Давай. Только почерк у тебя от этого разборчивее не станет.

Я переписала спорную дату крупнее.

Когда Нелла спустилась к обеду, мы показали ей тетрадь и спросили о расходах на нагрев. Она согласилась, потом села дописывать свою часть. Возле слов о доме задержалась, но все-таки отметила, что купчей не видела. Копию письма Северина положила в папку отдельно от расписки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.